



САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

САМАЯ
ЖЕСТКАЯ
КНИГА

БЕСПРЕДЕЛ

Составитель Парфенов М. С.

Москва

Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б53

Серийное оформление: *Юлия Межова*
Составитель: *Парфенов М. С.*

Б53 **Беспредел** : [сборник] / Составитель: Парфенов М. С. – Москва : Издательство АСТ, редакция «Астрель-СПб», 2024. – 448 с.– (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-164020-0

Это не просто «Самая страшная книга».

Это – «Самая ЗАПРЕТНАЯ книга».

ЗАПРЕЩЕНО читать детям и подросткам.

ЗАПРЕЩЕНО читать беременным и особо впечатлительным натурам.

ЗАПРЕЩЕНО читать психически неуравновешенным.

Потому что это – антология экстремального хоррора и сплаттерпанка, самого маргинального и запретного направления в литературе ужасов, а то и во всей современной литературе. Кровь, секс, насилие, мат – это точно не та книга, которую вы посоветуете вашей бабушке.

Запретный плод сладок, но это...

Это – полный «БЕСПРЕДЕЛ».

© Авторы, текст, 2024

© Парфенов М. С., составление, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

ЗАПРЕТНОЕ



*«Хуй, пизда, ебать и блядь –
нам нельзя употреблять!»*

Этот стишок, чтоб вы знали, начал бродить по околоиздательским и вообще литературным кругам несколько лет назад, вскоре после введения цензуры на мат в книгах.

Дело в том, что, в связи с изменениями в законах, юристы издательств подготовили специальную «указивку» для редакторов, от которых та уже попала к нам, писателям. Кто-то, чтобы было проще запомнить, оформил это простеньким двустистишем по типу «жи-ши – пиши с буквой „и“». Так оно и ушло в народ.

В исходной «указивке» и правда перечислялись несколько запретных слов, наличие в тексте любого из которых автоматически отправляет произведение в категорию «18+». Таких слов на самом деле пять – еще одно просто, видимо, не влезало в размер стиха. Хотите знать, какое пятое?.. Манда.

Нет, не так.

МАНДА.

МА-А-АНДА-А-А!!!

Почти как «мандат» – допустим, депутатский.

Ну и все, теперь можно спать спокойно. Эта книга действительно получит ярлычок «18+» и стыдливую обертку из целлофана. Антология

«Беспредел» не посягнет на невинность шестнадцатилетних дев и выюношей.

Шестнадцать лет — это у нас в стране «возраст согласия», если что. То есть блядовать в эти годы уже можно, а читать книжки со словом «блядь» — ни-ни. Да и вообще, как известно, все матерные слова (уж эти-то пять — точно!) дети и подростки узнают исключительно из вредных книжек.

И там же, вне всякого сомнения, они черпают «травмирующую» информацию про то, что люди порой убивают себя, об извращенном сексе, о наркотиках, пытках, насилии и жестокости. Обо всем том, от чего мудрые чиновники столь заботливо оберегают подрастающие поколения.

Как все просто оказывается-то, да? Не читай книжки с матом — и никто вокруг не будет материться. Не пиши о серийных убийцах — и они перестанут появляться...

Кажется, мы уже с подобным подходом сталкивались — во времена СССР. Кажется, это не помогло, ведь даже в СССР появлялись такие изверги, как Анатолий Сливко и Андрей Чикало. Оба, кстати, работали преподавателями у детей и подростков — может быть, стоит запретить профессию педагога?..

Ну да ладно, вернемся к нашим «мандатам», в смысле — к тем проблемам, с которыми мы, книжный люд (редакторы, авторы, читатели), начали сталкиваться после введения всей этой дурацкой цензуры.

Одна из этих проблем — несоответствие содержания книги выписанному ей возрастному

цензу. Когда формально произведение подпадает под рейтинг «18+» из-за одного-единственного матерного словца, употребленного кем-либо из персонажей, но во всем остальном ничего столь уж ужасного и запретного не содержит.

У нас в серии «Самая страшная книга» такое случилось ранее с антологией «13 монстров», где лишь в одном рассказе (вернее, повести) из тринадцати присутствовали отдельные словечки из помянутого набора. И только по этой причине книга получила «18+» и была затянута в кондом из целлофана.

То есть дюжина вошедших в антологию рассказов были помечены как «запретные» совершенно напрасно, ведь даже формально там не к чему было придраться. Да и та повесть с нецензурщиной — «Что-то в дожде» Бориса Левандовского — на самом деле представляет собой весьма лирическое произведение о подростках 90-х, которые просто разговаривают так, как все мы разговаривали в те годы друг с другом.

Обидно? Не то чтобы. В конце концов, хуже от этого антология не стала. Но лично мне, как составителю «13 монстров», до сих пор неудобно перед читателями, которые, купив книгу с рейтингом «18+», ничего такого в ней в итоге не обнаружили.

Но вот так получилось, спасибо «мандатам». И тогда я подумал, что если уж выпускать такие книги впредь, то следует озаботиться тем, чтобы своему возрастному цензу эти издания соответствовали на все сто процентов.

«18+» — пускай, но на все сто, да!

Так и родилась идея антологии сплаттерпанка и экстремального хоррора «Беспредел», которую вы сейчас держите в руках... ну либо листаете на мониторах или, может, слушаете в аудиоформате — когда я пишу это предисловие, то еще и сам не знаю, рискнет ли издательство опубликовать «Беспредел», где и в каких форматах антология в итоге будет доступна.

Потому что, в отличие от «13 монстров», эта книга своему рейтингу соответствует целиком и полностью. Она точно не для маленьких детишек. А также не для беременных, неуравновешенных, чрезмерно брезгливых... Не для чрезмерно брезгливых беременных детишек с неуравновешенной психикой. Как, собственно, и все сплаттерпанк-направление — маргинальное, шокирующее, ненавидимое... и великое.

Сплаттерпанк и экстремальные ужасы — это точно не та литература, которую вы дадите почитать своей мамочке. Ну, если не хотите, конечно, чтобы у нее случился сердечный приступ.

Принято считать¹, что поджанр возник на Западе в восьмидесятые годы прошлого века стараниями таких авторов, как Дэвид Дж. Шоу, Джон Скипп, Джо Р. Лансдейл и Клайв Баркер. «Книги крови» последнего в свое время изрядно шокировали публику, а Стивена Кинга

¹ См. хорошую и весьма подробную статью «Сплаттерпанк и экстремальный хоррор» Ю. Александрова — онлайн-журнал DARKER, № 3, июль 2011 года.

Ссылка: <https://darker magazine.ru/page/splatterpank-i-ekstremalnyj-horror>

впечатлили настолько, что тот вообще назвал Баркера «будущим хоррора».

«Матерщинник» Кинг, как его когда-то называли критики, и сам экстремальным ужасам не чужд. Вспомнить хотя бы «Оно», где «есть раковина в ванной, из которой льется кровь, взрывающийся унитаз и целая муниципальная канализационная система, наводненная изуродованными трупами и костями множества местных детей» (The New York Times, рецензия от 24 августа 1986 года¹). Ну или пресловутая сцена с сексом подростков в финале. Да и сам «наследный принц тьмы» (цитата из той же рецензии) откровенно говорил о самом себе (в документальной книге «Пляска смерти»), что, дескать, он и желал бы погрузить читателей в атмосферу изысканного «высокого» ужаса, но в конечном счете, если с этим возникают трудности, не прочь попросту ткнуть аудиторию носом в лужу крови и спермы — вполне в духе отцов сплаттерпанка, поставивших во главу угла акцент на всем «запретном» вроде детализированного и подчас гипертрофированного описания сцен ультражестокого, мать его, насилия.

Вообще можно сказать, что рецепт приготовления настоящего сплаттерпанка — это старая формула «секс, наркотики, рок-н-ролл», в которой «рок-н-ролл» заменили на «насилие». Отсюда, возможно, и само слово «панк» в наи-

¹ Обзор критики, которой подвергали Кинга в The New York Times, вы найдете на сайте «Зона ужасов» в материале И. Денисова: <https://horrorzone.ru/page/kak-the-new-york-times-rugala-stivena-kinga>

меновании (изначально шутивом) субжанра, по аналогии с панк-роком, а также литературными течениями вроде киберпанка. В таком случае корни экстремального хоррора тянутся чуть ли не из 70-х, а то и вовсе (как считают некоторые) из нуарных детективов пятидесятых-шестидесятых годов XX века.

Правда, если копнуть, то понимаешь, что на самом деле корни эти уходят гораздо, гораздо глубже — по сути, ровно на ту же глубину, в ту же самую бездну, во мраке которой когда-то зародился жанр хоррора вообще как таковой.

В конце концов, даже старые сказки зачастую были полны секса и насилия. В «Красной Шапочке», допустим, охотники вскрывали брюхо волка-трансвестита — серый переоделся в наряд сожранной им бабули, если кто подзабыл!

Полны «сортирного» юмора, порнографии и сцен насилия (избиения палками, колотушками и чем угодно еще) были примитивные постановки так называемой «площадной культуры» — все эти кукольные представления в Средние века и позднее. «Запретные» для современных поборников морали темы без труда можно обнаружить в античной комедии (например, у Аристофана), в «Гаргантюа и Пантагрюэле», «Декамероне» и многих других классических произведениях.

Ну а что касается ужасов, то, оформившись первоначально как литературная форма в «готических» романах эпохи предромантизма, оные почти сразу же получили «мерзкое» ответвление (или отражение?..) в творчестве таких

авторов, как Ч. Р. Метьюрин или У. Бекфорд. Ровно так же, как восхищались читатели той эпохи атмосферными «ужасами» Анны Радклиф и Клары Рив, наслаждаются ныне читатели произведениями жанра хоррор¹. Ровно так же, как подчас воротят некоторые нос от сплаттерпанка сегодня, в те времена публику шокировали «Ватек» Бекфорда или «Мельмот Скиталец» Метьюрина, относимые литературоведами к «френетической» ветви готики².

Нет, сейчас-то произведения эти все больше зовут «волшебной сказкой» («Ватек») или «великим готическим романом» («Мельмот Скиталец»), но сейчас и все эти истории Радклиф и ее последователей про таинственные портреты на стенах древних замков мало кого напугать способны — разве что наших российских «мандатов» с их вечным стремлением все на свете запретить. Однако для своего времени «Мельмот», «Ватек» — а также «Монах» М. Г. Льюиса, «Эликсир дьявола» Э. Т. А. Гофмана и другая «френетическая» готика — считались весьма и весьма эпатажными и даже шокирующими произведениями. Оно и понятно — покуда одни авторы (чаще дамы, которых так и хочется называть по современной моде «авторки») живописали душевные терзания юных бедствующих дев, преследуемых импозантными мужчинами-злодеями с гипнотическим взором, другие, «неистовые безумцы» от готики, рассказывали

¹ Читайте об этом подробнее, например, в монографии «Готический роман в России» В. Э. Вацууро.

² От англ. *frenetic* — «неистовый, безумный» (прил.) или же «безумец, маньяк» (сущ.).

об инцесте или кровавых пытках, которым подвергали безвинных людей в застенках инквизиции.

Ну круто же, е-мое!

«МА-А-АНДА-А-А!!!» — это я просто так, чтоб никто не расслаблялся. Из хулиганских побуждений.

Хулиганство — это на самом деле еще одна причина появления на свет антологии «Беспредел». За редким исключением, все, что выходило ранее в серии «Самая страшная книга», получало возрастной рейтинг «16+», поскольку вполне в него укладывалось, но вы себе не представляете, сколько однотипных реплик-отзывов наши издания получали (и продолжают получать) при этом от излишне брезгливой, косной и ограниченной публики. «Туалетный жанр», «дичь», «омерзение», «это не ужасы», «лучше бы не читала», «„страшно“ перепутали с „противно“», «кровь, кишки, скукота» — это все лишь об одной из наших антологий и только с одного сайта, а подобных «экспертных» мнений хватает по каждой нашей книге. Хотя, по счастью, хватает и других, хвалебных, так что речь все-таки не о низком качестве самих текстов, а об агрессивной зашоренности некоторых читателей. Что там говорить, один из первых отзывов, которые я сам получил на свои рассказы, содержал призыв «запретить» автору писать по причине его (то бишь моего), автора, явного «садизма» — а тот свой рассказ (постапок «Конец пути») я бы и к сплаттерпанку-то не отнес!

Регулярно сталкиваясь с подобной реакцией на свое творчество, постоянно ловишь себя

на мысли: «Эй, ребята-девчата, да вы ведь по-настоящему жесткого-то хоррора и не читали вообще! Что ж с вами сделается, если с НАСТОЯЩИМ сплаттерпанком столкнетесь?!» Это и есть то самое «хулиганское побуждение» — создать и выпустить такую книгу, которая показала бы всю грязь и величие поджанра. Из все тех же побуждений, то есть с целью поозорничать, пошалить, написан, например, рассказ «Хрень» (он же «Поебень») Виктора Точинова, включенный в эту антологию. Думаю, не ошибусь, если скажу то же самое и про «Любви хватит на всех» Валерия Лисицкого или «Зайка моя, я твой зайчик!» Илюхи Усачева, как и некоторые другие истории «Беспредела».

МА-А-АНДА-А-А!!! Вот вам, господа (и дамы) моралфаги.

Хотя не «мандой» единой, конечно же. Зачастую сплаттерпанк это еще и острый социальный комментарий, авторское высказывание на те или иные «больные» для современного общества темы. Да, в жесткой — иной раз даже не в «предельно», а прямо-таки ЗАПРЕДЕЛЬНО жесткой форме. Но ведь и в жизни, в быту, мы все, бывает, крайне хлестко, эмоционально, невзирая на лица и не заботясь о самоцензуре, говорим о тех или иных негативных явлениях в окружающей нас реальности. Мы ругаем всякую херню последними словами — но не творим же ее и ни в коем случае не одобряем.

Если Метьюрин в «Мельмоте», по сути, критиковал религиозный фанатизм, то и современный сплаттерпанк этого тоже не чужд, да и на другие больные точки жмет, ничего не

стесняясь. В «Даме червей» Анна Елькова снова говорит о подростковой жестокости и ее первопричинах. В «Слякоти» (рассказ, ставший интернет-феноменом и собравший архимного гадких, оскорбительных для автора отзывов) Александр Подольский повторяет ужасную в своей материалистической простоте мысль о том, что самое страшное зло творят не мистические демоны и фольклорные черти, а мы сами, люди.

Другое преломление экстремального хоррора также укоренено в хорроре как таковом вообще и связано с известной эстетизацией зла, мерзости и насилия. Такие рассказы из антологии «Беспредел», как «Мясной танк» Николая Романова или «Каждая» Владислава Женеvского — как раз по этой части. Не просто так «Каждая» посвящена Клайву Баркеру, известному эстету ужасов, создателю «Восставшего из Ада» и демонов-сенобитов, находящихся садомазохистское наслаждение в невероятной боли.

Но и тут мы, если подумать, обнаружим нечто большее, чем просто «фу, какая мерзость». Например, поэтику Эдгара По и бодлеристов. Это ведь По назвал смерть красивой женщины «наиболее поэтичной вещью в мире» — а уж Эдгар Аллан в этом кое-что понимал. А Бодлер, Лотреамон и другие пошли еще дальше, поэтизируя и эстетизируя то, что, казалось бы, к эстетике и прекрасному никакого отношения иметь не может. И вот уже в «Песнях Мальдорора» звучат оды нигилизму, тотальному отрицанию всего хорошего (и увы, зачастую фальшивого), что только есть в мире.

О, как тут не вспомнить сакраментальное из Ахматовой? «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...»

Да, экстремальный хоррор бывает грязным, мерзким, отвратительным, даже болезненным, но... такой бывает и сама жизнь. Запрещая мат в книгах, вы не перевоспитаете детей, которые хлебают матерщину из совсем других источников. Запрещая кому-то писать о маньяках, вы не избавите мир от появления новых Сливко и Чикатило. Борясь с ужасами в литературе — вы боретесь с литературой, а не с тем реальным злом, отражения которого попадают на страницы книг.

Самый запретный жанр, самые запретные книги — могут быть и самыми полезными, самыми важными, самыми прекрасными.

Запретный плод сладок не только потому, что он запретный, знаете ли. Он может быть и просто вкусным.

Парфенов М. С.

Владислав Женевский

КАЖДАЯ



Клайву Баркеру

Расхлябанная дверь отворяется и грохает об стену. Парень в легкой кремовой куртке направляется к раковине, не обращая внимания ни на дверь, ни на Лиду, которая терпеливо ждет его ухода. А и вправду, думается ей, смотреть-то не на что. Зеленый халатик, резиновые перчатки, швабра, ведро и банка хлорки. Она существует для того, чтобы убирать за ними дерьмо. Даже не так: как-то получается, что *она* все дерьмо и производит, потому что суки в дорогих шмотках для этого слишком цивилизованны.

Тип в куртке достаивает ее ухмылочки, прежде чем выйти. Еще раз стучает дверь, и Лида остается одна. Она закрывается на ключ (кому надо, тот потерпит), набирает воды в ведро и проходит в туалет.

Пять кабинок в женской комнате, столько же плюс три писсуара здесь. Итого тринадцать мест, где любой посетитель может делать все, что душе угодно. Хотя какой там душе?!

К запаху она почти привыкла. Правда, у женщин пахнет едче, в носу свербит... Стены выкрашены в буро-зеленый цвет, и это давит куда сильнее: чувство такое, будто ты в чьем-то

кишечнике. Краска за годы облупилась, повсюду расцвели рисунки и каракули — в основном ругательства и похабные предложения, многие с номерами телефонов. Свет почти не проходит сквозь оконца под потолком, от веку не мытые.

Но хуже всего мухи. В разгар лета они повсюду: ползают по стенам, потолку, без конца жужжат в зловонном воздухе, лезут в нос и уши. Если мысли о том, что оставляют их лапки у нее на коже, слишком беспокоят, Лида пробует отключать воображение. Иной раз помогает, но остается еще память. У нее до сих пор стоит перед глазами то, что она нашла в одной из кабинок, начиная как-то смену.

Ржавые потеки на фаянсе. Желтоватая вода, текущая тонкой струйкой в забитую дерьмом раковину. Потом на пол. И белые личинки, копошащиеся в коричневой массе. Они извиваются, сплетаются между собой, оставляют в дерьме бороздки. Их, кажется, можно услышать — тихое хлопанье, с которым скользкая плоть прокладывает себе дорогу в единственном мире, какой она знает.

Лида приваливается к стене, сдерживая тошноту. Выделений человеческого тела здесь и так хватает. Ни к чему что-то к ним добавлять.

Она видела личинок и после. Жалобы на других уборщиц не помогали: те списывали все на часовой интервал между сменами. И Лида, против воли, верила им. Крошечная извращенная жизнь вполне могла возникнуть за считанные минуты в отходах иной жизни. Жизни высокоорганизованной и наделенной интеллектом, но обреченной испражняться раз в сутки.